

# ВОПРЕКИ НАЗВАНИЮ

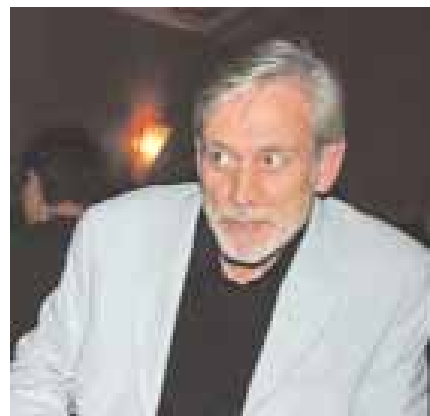
## Роман шведского писателя-ориентировщика «Бросай свой проклятый спорт»

Вначале немного истории. В конце 90-х годов я довольно серьезно изучал шведский язык, так как неоднократно бывал в Швеции на «О-Рингене». Правда, разговорной речи так и не научился, зато переводов шведских текстов, в основном об ориентировании, сделал множество, в том числе и для «Азимута». Зимой 2010 года Анатолий Михайлович Таранин, известный ориентировщик, тренер и картограф из Дмитрова, передал мне для перевода новый шведский учебник ориентирования и вместе с ним текст незаконченного литературного произведения, который ему передала Татьяна Рябкина. Она, как известно, несколько лет жила в Швеции, тренируясь и выступая за стокгольмский клуб «Хеллас». Там она подружилась с ориентировщиком-ветераном по имени Сверкер Тирен. Журналист по профессии, он начал тогда писать свое первое серьезное литературное произведение – роман с несколько неожиданным названием «Sluta med din förbannade idrott», что означает «Бросай свой проклятый спорт».

Конечно, название отнюдь не означает, что автор призывает читателя бросать заниматься ориентированием. Роман – сложная психологическая драма, разворачивающаяся между главным героем, его женой и сыном. Главный герой романа по имени Торне – страстный ориентировщик еще с детства, его образ для автора во многом автобиографичен.

Жена по имени Муна, хотя и занимается физкультурой ради здоровья, отрицательно относится к спортивным похождениям мужа. Сын Микаэль тоже ориентировщик, в романе присутствуют множество персонажей, среди которых есть и реальные лица. Роман построен довольно своеобразно – он разбит на множество коротких глав, среди которых нечетные написаны от имени главного героя Торне, а четные – от имени жены Муны. Главы слабо связаны между собой по смыслу и хронологически. Торне большей частью вспоминает эпизоды из самых различных соревнований, начиная с детства и кончая настоящим временем. Муна ведет дневник, часто предаваясь длинным и сложным психологическим рассуждениям о муже.

Я, к сожалению, не в силах перевести роман полностью. Одно дело – переводить статьи об ориентировании, совсем другое – литературное произведение с множеством сложных фразеологических оборотов и иносказаний. Я смог лишь сделать краткий пересказ содержания первой половины романа и полностью перевести одну главу – 15-ю по счету, последнюю из первой половины, поскольку она захватывающе интересна и очень поучительна. В ней Торне вспоминает соревнования на острове Гютланд где-то в начале 90-х годов, и именно в ней впервые появляется фраза, ставшая названием романа. Я решил опубликовать перевод этой главы здесь,



в «Азимуте», с разрешения автора. Я поддерживаю связь со Сверкером Тиреном через «Фейсбук».

8 сентября 2013 года на соревнованиях «Память друзей» я встретился с Татьяной Рябкиной. Она сообщила, что Сверкер Тирен закончил свой роман и опубликовал его отдельной книгой. Экземпляр книги он подарил Татьяне, а она в свою очередь, подарила книгу мне, так как сама, к сожалению, не овладела шведским языком. По сравнению с рукописью 2010 года роман увеличился более чем вдвое. В послесловии к роману автор благодарит Татьяну за то, что она всячески поддерживала его в написании книги.

Итак, перед вами перевод 15-й главы романа Сверкера Тирена «Бросай свой проклятый спорт».

Сергей Серебряков

ГЛАВА 15. Прежде чем мы нашли домик в Поламальме, был остров Гютланд, который принес немного устойчивости в быстро пролетающие летние недели. Мы устроились рядом с рыбацким поселком, в спартанской, но приятной обстановке. Муна погрузилась в чтение романов или педагогической литературы о трудных детях, в то время как маленький Микаэль впервые в жизни смог часами сидеть на берегу, строя сложную систему каналов на песке. Сам я управлял своими нервами путем стайерского бега. Бежал в одном направлении и размышлял, когда нужно повернуть назад, чтобы вернуться домой, не растеряв всех сил: после 25 минут? 35? 45? Иногда я решался на двухчасовой бег, вооружившись фляжкой с соком, которую я опустошал за несколько раз, опрокидывая в себя тепловатый напиток, не останавливаясь, и часть проли-

вал на свою голую грудь, плечи горели на солнцепеке, и я преодолевал искушение и их полить соком. Я был окоченевший и онемевший на последних километрах, значительно более уставший, чем я хотел бы казаться для Муны. По ночам я просыпался от ужасных судорог, вставал на ноги, чудом спасая в темноте керосиновую лампу от падения на пол, и разминал икры. Муна не слишком сочувствовала: «Боже мой, будь поаккуратнее, не изнашивай так себя на асфальте. Мы же отдыхаем», после чего она поворачивалась ко мне спиной, а я на кухне жадно выпивал ковш теплой воды и не мог заснуть почти до времени завтрака.

«Будь поаккуратнее с бегом!» Но я же совсем не это выбрал. Добровольное принуждение, благословенное решение. Бывают нагрузки и похуже, а бездействие отупляет.

Этим летом я заявился на трехдневные соревнования в Форё, на том же Гютланде, где мы завершали свой отпуск в кемпинге, в старой, но уютной палатке, тяжелой и неуклюжей, но соответственно вместительной. По утрам нас гостеприимно манил песчаный берег, мы искали участок, относительно свободный от других туристов, и я наслаждался душевным спокойствием, но оно исчезало, когда я знал, что скоро буду вновь стоять на старте, и беговая форма моя на высоте. Если бы я только не забывал, что плоская гютландская местность может быть быстро пробегаемой, но чертовой грубыми ошибками – чуть только немного ушел с нужного направления, потерял точку опоры – и можно «загудеть», пока минуты бегут...

Но уверенность, глубокая уверенность – вот что я чувствовал. И теперь неохотно, но в пронзительно ярком све-

те вспоминаю этот третий и последний этап соревнований в прелестном лесу Улла Хау. Два предыдущих этапа я представляю себе так: они прошли наполовину хорошо, и я по сумме двух дней занимал шестое место. Когда пришел день гандикапа, передо мной были пятеро участников, и от первого меня отделяло восемь минут. Это было слишком много, но первые трое были в пределах досягаемости, и я мог в лучшем случае рассчитывать на третье место. Я стоял в ожидании на старте и твердил: «Могу быть третьим, могу быть в призерах», хотя знал, что такие мысли ведут не туда, куда надо. Передо мной была дистанция ориентирования на плоской местности, с быстро находимыми КП. Это казалось так просто.

В стартовом коридоре я внимательно смотрел на стартовавших впереди по моей группе, запоминал их форму – если они внезапно появятся, я буду уверен, что они идут на те же КП, и могу действовать тактически, возможно, преследовать, выжидать, сохранять силы для финишного рывка.

Но прямо передо мной между стартовыми лентами стоял тип с могучей фигурой, хотя не могу прямо назвать его толстым. И его наряд сбивал с толку – на нем были брюки на подтяжках, серая фланелевая рубашка и желто-зеленая кепка с надписью «Техасо». По-моему, это был крестьянин, мелкий фермер, а не ориентировщик. Что он делал в стартовом коридоре? Передо мной? После двух дней ориентирования по «М45-элита». Это недоразумение должно быть исправлено. Когда он исчез за песчаным холмом, я сразу взял карту и бросился вдогонку за человеком в подтяжках. Я чувствовал себя в хорошей беговой форме, ноги слушались безотказно, только дыхание было слишком возбужденным, и скоро я настиг «фермера» и несколькими прыжками лихо обогнал его, двигаясь по замечательной местности, через небольшие холмики, мимо болотца, к ямке, где должен был находиться первый КП.

Мне бы надо было остановиться и скорректировать направление, но я продолжал бежать, заметив впереди бегуна, свернувшего влево, и мне показалось, что он бежит правильно. И вскоре я стоял перед КП с чужим номером, посреди маленького открытого болотца. Я слишком отклонился влево, но это не столь опасно, надо продолжать, свернуть вправо, и скоро я предчувствовал свой КП, много бегунов бежало туда, и одним из них был тот самый «фермер», который уже отметил и теперь довольно бодро шел вперед, через приветливый солнечный сосновый лес. Я должен догнать! И перегнать! Вскоре я был уже впереди, дыхание участилось, но ничего,

крупных неприятностей быть не должно, предстояло грубое ориентирование до тропинки, был шанс оторваться, и я это сделал с необычайной легкостью, считая шаги. Скоро тропинка появилась, может быть, немного рановато, но я должен учитывать, что скорость высока, шаги длиннее обычного. Я определенно оторвался от «фермера».

Но с картой что-то не сходилось, появилась группа холмиков там, где по карте должно быть плоско, и это был сигнал тревоги. Я остановился на несколько жарких секунд, чтобы разобраться, что случилось. Я достиг тропинки слишком рано, поскольку отклонился вправо, и теперь путь был неправильен, и точного положения я не знал. Скорректировал направление на авось, побежал, задерганный, но – удача! – впереди мелькнул бегун, которого я запомнил раньше, он ушел третьим! А за ним – знакомая мощная фигура в подтяжках и кепке. Я не захотел привлекать внимание, дал им сориентироваться, и помедлил немного, пока не появился КП. Теперь-то уж обязательно нужно было обогнать фермера в подтяжках, я чувствовал острую необходимость, но я не хотел объявляться, было мучительно, что я все еще позади него. Я попытался обогнуть его как можно более незаметно, в десятках метров в сторону, на пути к третьему КП, это короткий отрезок. Пошел вокруг кустарника, остановился на несколько секунд, но определился и вышел прямо на КП. И когда шел на четвертый, впереди вновь вдруг маячила спина «фермера».

Я не могу сказать, что воздух весь вышел из меня, но я вдруг почувствовал нерешительность, почти стыд. Что он подумает обо мне, когда я вновь вынырну из-за его спины? Бестолковый, плохо читает карту, бежит хорошо, но ориентируется плохо. Ненадежен. Явно не скандинав.

Да, я чувствовал стыд, когда обгонял в очередной раз, и сказал, чтобы разрядить обстановку: «Здесь точно не место для охоты!». Он удостоил меня спокойным взглядом искоса. Я ускорился и наконец взял очередной КП без промед-

ления, почувствовал решительность, отметился четко в центр клетки и помчался дальше на длинный перегон, теперь-то я наконец вырвался и возможно шел пятым, четвертым, а может, даже третьим, и до конца было еще далеко! Снова бег по компасу со счетом шагов, на длинное болото, и я ускорял темп все больше, был, несмотря ни на что, прекрасный солнечный день, и я не чувствовал усталости.

Вдруг появилась тропинка, совершенно неожиданно – на карте не было никакой тропинки, значит, она не обозначена? Но корни деревьев были потеряны, и она была довольно широкой. Я продолжил в нерешительности, считая шаги, но забыв, сколько насчитал, то ли сто семьдесят, то ли двести семьдесят, побежал дальше в надежде, что скоро появится длинное болото.

Вместо этого я увидел черепичную крышу. Продолжил двигаться нерешительно и вдруг почти уткнулся в шезлонг, где сидела легко одетая женщина, погруженная в чтение книги. Шляпа от солнца, очки на кончике носа, ленивый взгляд. Я выдавил из себя: «Ой, ой! Извините!» и исчез из ее поля зрения. Попытался понять, где я. Дом? Странение?



И была особенная тишина, лишь шелестели деревья и местность молчаливо показывала, что я далеко от района соревнований. Очень одиноко. Только крики птиц, морских чаек, я несомненно был около берега моря. Проконтролировал себя по компасу – да нет, я все время точно держал этот курс. Но что-то было неправильно, совсем неправильно.

Но, может быть, я ушел к северу, в район с мелким рельефом, почему бы не свернуть на юг? Скорость была высокая, бежалось легко, надежда еще жила, но я должен был признать, что пробежал почти километр, и компас раз за разом показывал неожиданные направления. И вновь показалась та самая крыша и та самая женщина в шезлонге в шляпе и очках с книгой – на этот раз она посмотрела на меня вверх сердито, сняв очки. Она смотрела на меня молча. Я энергично кивнул, что бы это ни означало, бросился в кусты, и уставился в эту таинственную карту. Слышались крики птиц, звучавшие насмешливо, и волны, шум морского прибоя. Я стоял очень спокойно, где-то в районе Форё, где-то на земном шаре. Надо дать стрелке компаса повернуться на север. И наконец я понял – противход, ошибка на 180 градусов.

Я промчался по крайней мере 800 метров на запад, а не на восток. Все было очень просто. Коттеджи на берегу, здесь я находился. На гарантированном удалении от КП и очень далеко от «фермера» и моего третьего места. Я взглянул на часы – потеряно по меньшей ме-

ре двадцать девять минут. Это был конец, я был совершенно морально обесценен, вряд ли способен сделать хотя бы шаг. Но я должен был его сделать. Я обнаружил, что нахожусь недалеко от нашей палатки, где Муна и Микаэль ждали меня в безмятежном спокойствии, с сумкой-холодильником, где были бутерброды, вареные яйца, сок. Я спокойно вышел на это место.

- Как быстро ты вернулся, – сказала Муна, – все шло хорошо? Это прекрасно! А Микаэль смотрел с берега на своего папу с радостью и немного застенчивым восхищением. Он держал в кулаке маленькую пластмассовую лопатку, и я отошел, чтобы полюбоваться построенными им обширными кольцевыми каналами с плотинами из гальки и ракушек.

- Но ты плохо выглядишь, сказала Муна удивленно. – Ты что-нибудь повредил?

- Нет, я повредил только свое поведение, – ответил я через плечо. Микаэль захотел посмотреть на мою карту и спросил, немного вкрадчиво, какой я выбрал путь. Недавно я объяснял ему такое важное понятие, как выбор пути.

- Я выбрал сегодня сумасшедший путь, прямо сюда, к тебе, – сказал я и стал терпеливо помогать ему в строительстве каналов.

Не ранее чем через два часа неохотно пошел я на финиш, до него был лишь километр, он казался тяжелым, но я избежал встреч с друзьями. Сдал, бормоча что-то, свою карточку судье, который настойчиво потребовал объяснить, по-

чему я, такой известный ветеран клуба Спарта, пришел так необыкновенно поздно и к тому же сошел с дистанции.

- Сегодня определенно не мой день, ответил я с останавливающим жестом. – Спасибо за отличную организацию и прекрасную местность, все хорошо!

Издали я увидел «фермера», он стоял на этот раз в ослепительно белых шортах и футболке с надписью «Свайде», он жевал горячие сосиски, держа их в обоих кулаках, и прижимал локтем к животу банку кока-колы.

Я бросил быстрый взгляд на финишный протокол и отметил, что ориентировщик из готландского клуба Свайде был вторым на финише по группе M45, уступив победителю почти одиннадцать минут, но все же вторым.

Я захотел домой, не вернуться в палатку, а уехать домой, подальше от этого Форё, этого плоского отвратительного Готланда, и этой солнечно улыбающейся красивой местности, доставляющей только неприятности. Я чувствовал спиной тот взгляд женщины в бикини, очень спокойно сидевшей там в шезлонге в очках на носу, я когда угодно могу вспомнить эту сцену – загорелая женщина с книгой в руках, она смотрит вверх, рассматривает меня молча, рассеянно рассматривает заблудившегося мужчину, сверху донизу.

«Бросай свой проклятый спорт» – таково было её молчаливое предложение.

# Азимут

- Дизайн, верстка, фотосъемка
- Изготовление и печать спортивных карт
- Издание книг и брошюр, твердый переплет
- Рекламная и деловая полиграфия

8-906-072-71-71  
azimut-id@rambler.ru